

ВЗГЛЯД В ПРОШЛОЕ: ВЕКТОРЫ ИСТОРИИ

ЧАСТНОКАПИТАЛИСТИЧЕСКИЙ УКЛАД ПРОМЫШЛЕННОСТИ В ПЕРИОД НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ (на материалах Поволжья)

С.В. Виноградов
(Астрахань, Россия)

Нэп, открывший дорогу частнокапиталистическому укладу и рыночным отношениям, вызволил из «военнокоммунистических оков» мелкую и среднюю частную промышленность. Опыт этого развития представляется актуальным в наши дни. К частной индустрии в те годы относили: 1) арендную; 2) частновладельческую цензовую (не менее 16 рабочих при механическом двигателе и не менее 30 без такового); 3) ремесленно-кустарную. Однако единой точки зрения по строгой классификации форм производства не было. Ю. Ларин, например, вносил сюда лжекооперативы и так называемые «раздаточные» конторы¹. Другой советский экономист А.М. Гинсбург отделял частную цензовую промышленность (арендованную, концессионную) от нецензовой, мелко-кустарной.

Аренда, введенная декретом СНК от 7 июля 1921 г., предполагала сдачу государственных предприятий, подведомственных ВСНХ, в руки кооперативов, учреждений, отдельных частных лиц в целях их эксплуатации и организации производства². В особых случаях к аренде допускались и сотрудники государственных учреждений. Трудно определить, какова была численность этих «допущенных» и весьма слабых по производительности и числу рабочих предприятий (В 1922 г. на каждое арендованное предприятие приходилось в среднем 18 чел.). Современные исследователи сообщают, что к сдаче в аренду намечалось в 1922 г. 3113 предприятий, в 1923 г. – 8632³. Другие данные, относящиеся ко времени нэпа, показывают, что первоначальный замах на «капитализацию» промышленности был более высоким: в аренду предполагалось сдать 12,5 тыс. предприятий (данные по всем 76 губерниям России, кроме совсем не имеющих промышленности). Однако и в том, и другом случае число рабочих, занятых на этих предприятиях, составляло ничтожную долю. Так, по расчетам Ю. Ларина, если бы в аренду были сданы 12,5 тыс. предприятий, то в среднем на одно предприятие приходилось бы 7 рабочих, а всего в частной промышленности работали бы 90 тыс. человек при общей численности рабочих России в промышленности страны, включая цензовую, 2–2,1 млн чел.⁴ (то есть рабочие частных заведений составили бы 4,5 % от общего числа рабочих). К тому же, по его подсчетам, план сдачи в аренду хронически не выполнялся: на 1 ноября 1921 г. было сдано 14 %, 1 декабря – 6 %, 1 января – 4,7 %, в последующие месяцы картина почти не менялась. Всего к 1922 г. было сдано в аренду 60–65 % предприятий (2/3 плана) с числом рабочих около 3 % от общего их количества в России⁵. Эти результаты будут еще скромнее, если учесть, что большинство предприятий, взятых в аренду, были «на ходу» и не требовали больших затрат на восстановление; среди арендаторов частники (буржуазия) составляли лишь 57 %, остальное приходилось на кооперативы – 38%, государственные организации – 4 %⁶. Частные капиталы, вложенные в торгово-промышленные предприятия, по-разному определялись наркоматами с помощью различных методик, но наиболее признанной стала сумма в 660–700 млн руб.⁷, что составляло незначительную (в государственных масштабах) сумму.

Непримиримо враждебно по отношению к частной инициативе была выстроена идеологическая линия. Партийная печать предупреждала, что «перед нами не возврат к «здоровому капитализму», а путь к коммунизму», поэтому надеяться на частнохо-

зыйственное предпринимательство – «вреднейшая иллюзия». С точки зрения Е.А. Преображенского, «чем больше уступок мы сделаем в нашей экономической политике, тем с большей силой мы должны подчеркивать нашу принципиальную непримиримость по отношению ко всему буржуазному и мелкобуржуазному...»⁹ В.П. Милютин в связи с этим указывал: «Мы не можем произвести денационализацию, мы не можем отказаться от планового хозяйства, мы не можем и не должны создавать привилегированного положения капиталистам»¹⁰. Таким образом, по мнению этих партийных экономистов, вынужденная необходимость использования частного капитала сочеталась с перспективой его постепенного уничтожения и замены «единым плановым хозяйством». Тем самым частнохозяйственная инициатива, независимо от ее экономической результативности, заранее лишалась будущего.

Будучи «вспомогательным аппаратом» к «ударным» отраслям национализированной промышленности, он должен был действовать в рамках государственных директив, а потому не имел права на свободное развитие. Практика новой экономической политики показала, что подобные угрозы предпринимателям были грубой ошибкой и нанесли большой урон народному хозяйству. Экстремистские заявления части партийных руководителей и экономистов привели к тому, что частный капитал не пошёл в промышленность (вложения в которую не сулили быстрой прибыли), в тех масштабах, как на это рассчитывали сторонники нэпа, а в основном ограничивался торговлей и посредническими операциями.

Поволжье было одним из районов, где частный капитал получил широкое развитие – в торговле и в рыбной промышленности¹¹. В других же отраслях хозяйства частные предприниматели владели в основном мелкими кустарными предприятиями или мастерскими и не могли конкурировать с крупными государственными предприятиями. Но были и исключения. Предприниматель Огарев из Саратова, используя списанное оборудование с государственных предприятий, восстановил один из металлообрабатывающих заводов и успешно стал конкурировать с находившимся неподалеку государственным заводом. «И работают у него, – говорилось на Пленуме Саратовского Губкома ВКП(б) в июне 1922 г., – частенько те же рабочие с завода Колесникова за сдельную плату»¹².

Всего в Саратовской губернии в 1924–1925 гг. было около 4 тыс. частных предприятий. Однако преобладали в основном мелкие предприятия кустарного типа с незначительной производственной мощностью: 164 предприятия относились к 1 разряду (от 1 до 3 рабочих) и только 52 предприятия к 4–12 разрядам¹³.

Аналогичную работу по сдаче в аренду предприятий проводил и Царицынский губсовнархоз. В ведении его на 1 января 1921 г. имелось 523 национализированных предприятий. Из них к сдаче в аренду было предназначено 292 предприятия¹⁴. Срок сдачи в аренду был от 1 до 6 лет¹⁵.

Помимо предприятий в аренду сдавались бани, парикмахерские, магазины, жилые дома и даже базары. Кузнецким уездным коммунотделом Саратовской губернии сдан был в аренду базар сроком на 3 месяца за 36 млн руб. (в дензнаках 1922 г.)¹⁶. Из 18 Саратовских бань к октябрю 1921 г. в аренду частным лицам было сдано 2 бани. Одна была сдана за 144 млн рублей, другая же, требующая капитального ремонта в 400 млн руб. сдана была на условиях ее восстановления до 1925 г., с арендой в 1926–1927 гг. по 6 млн руб. в месяц. В 1928–1929 гг. по 8 млн руб. в месяц¹⁷.

Частные предприниматели брали в аренду и восстанавливали на свои средства не только мелкие производственные и бытовые предприятия, но и крупные. Так, в Самарской губернии в аренду бывшему владельцу был сдан Жигулевский пивоваренный завод. К моменту сдачи в аренду он находился в полуразрушенном состоянии. Вскоре на средства арендатора завод был восстановлен. Арендная плата за 1922–1924 гг. составляла 40 тыс. руб. На восстановление завода было затрачено 480 тыс. руб. Арендатор только в 1924 г. уплатил 108 тыс. руб. подоходного налога.

Местные хозяйственные органы, не способные эффективно наладить производство на своих предприятиях, оказывали всевозможные препятствия росту арендованной и частной промышленности. Сдача предприятий в аренду сопровождалась их высоким обложением со стороны ГСНХ, испытывавших острый дефицит бюджета.

«Лучше бы совсем не сдавать в аренду, а если уже сдавать, так, по крайней мере, с таким барышом, чтобы частному предпринимателю не поздоровилось», – рассуждали астраханские хозяйственники осенью 1922 г., повышавшие ставки арендной платы до 15–18 % стоимости продукции¹⁹. Для людей, готовых взять неработающие предприятия в аренду, вложить в них капитал, восстановить, создавались невыносимые условия. Например, бывшему владельцу Фрумкину сдали его предприятие на условиях первоочередного выполнения госзаказов по новой калькуляции, снижавшей прежние цены на 50–75 %. Мало того, арендатор был согласен отдавать государству 20 % прибыли²⁰. В ряде случаев такая практика приводила к тому, что предприниматели спасались бегством от непосильных условий аренды, а предприятия приходилось вновь закрывать.

Высокий уровень обложения частника имел «классовую направленность», поскольку, как отмечали юристы 1920-х гг., аренда «не преследует цели предоставления возможности частного обогащения в ущерб интересам государства»²¹.

Кроме сопротивления губсовнархозов, не желавших сдавать в аренду предприятия, которые они сами не могли пустить в ход, действовала обратная тенденция. «Арендный азарт» привёл к сдаче предприятий «на ходу», обеспеченных сырьём и топливом, даже «без достаточных гарантий» со стороны частного арендатора. Таков ещё один урок нэпа. В условиях неразвитого законодательства, слабого государственного и общественного контроля нечистые на руку предприниматели и коррумпированные чиновники наживались на разграблении государственной собственности. В 1924 г. была осуждена группа чиновников, виновных в финансовых злоупотреблениях в пользу частников, в таких организациях, как «Бумтрест», «Губторг» и др. В следующем году состоялся процесс над группой работников кооперации Енотаевского уезда, перепродававших сахар, полученный по государственной цене, частным торговцам. Астраханская губпрокуратура возбудила в течение 1924 г. 125 дел о взяточничестве²². Интересно, на наш взгляд, видение проблемы коррупции ответственным секретарем Астраханского губкома ВКП(б) Стараниниковым: «Причины этих преступлений кроются в психологии преступников. НЭП натолкнул их на убеждение, что завоевание революции рухнуло, что коммунизм обращается в паническое бегство, и, как мародеры на войне, они принялись за грабеж»²³.

Еще одним незаконным источником роста частного капитала в 1920-е годы стало использование неликвидных фондов (неиспользованных запасов государства). Эти запасы образовывались в основном в результате «красногвардейской атаки на капитал» в период военного коммунизма. Частники весьма активно использовали этот источник в первый период нэпа, когда многие пустовавшие предприятия на основе арендных отношений переходили к частным предпринимателям. Во второй половине 1920-х годов этот источник несколько видоизменился. Например, ВСНХ в 1925 г. предписал усиленно реализовывать неликвидные фонды заводов и фабрик, т.е. продавать их на сторону, чтобы увеличить этим путем оборотные средства предприятий. Затем дана была директива в целях ускорения оборота капитала и наименьшего вложения в ненужные для дела вещи сократить количество запасов на государственных предприятиях. В результате предприятия любой ценой (даже себе в убыток) старались избавиться от ненужного в производстве, и всё это доставалось частнику.

Большие размеры приняла продажа государственными предприятиями автомобилей. К 14 января 1927 г. частным лицам было продано 1661 автомобиль, из них 1218 легковых, 442 грузовых и 21 специального назначения, а также 4000 мотоциклов. Эти автомобили в среднем были проданы по цене от 400 до 50,0 рублей за машину (при ее государственной цене 10 000 руб. за одну машину)²⁴.

Однако, допуская аренду, власти, исходя из политических соображений, искусственно ограничивали пределы её развития, что никак не способствовало укреплению товарной «смычки» двух укладов и развитию рынка в целом. В подавляющем большинстве арендованные заведения, составляющие к декабрю 1922 г. 15 % от всей промышленности и производившие 13,3 % всей продукции, являлись мелкими мастерскими ремесленного типа, со средним количеством рабочих 16 человек²⁵.

По многим показателям условия работы на частных предприятиях были лучше, чем на государственных. Заработная плата одного рабочего в Москве составляла: в государственных предприятиях – 71 руб. 61 коп., в частных – 88 руб. 64 коп.²⁶ На заседании бюро Астраханского Губкома РКП(б) 6 апреля 1924 г. отмечалось, что частные владельцы рыбных промыслов платят зарплату значительно выше, чем на государственных промыслах²⁷.

Отчисления в пользу рабочих сверх заработной платы на частных предприятиях устанавливались коллективными договорами (для организации культработы, для устройства домов отдыха и т.д.). Отпуск на частных предприятиях был продолжительнее, чем на государственных²⁸. Умение частных предпринимателей организовать дело, наладить производство признавали и многие коммунисты. Член бюро Астраханского губкома ВКП(б) Трофимов в выступлении на XV губпартконференции говорил: «У нас имеется стекольный завод, который работает с полной нагрузкой и, несмотря на это, хиреет, кроме дефицита ничего не приносит. ...Когда завод находился в руках частника, то давал несомненную прибыль»²⁹.

По данным статистики, на частных предприятиях рабочие трудились с гораздо большей напряженностью, чем в государственной промышленности. Что касается охраны труда, то санитарно-техническое состояние заведений частной промышленности значительно отставало от уровня госпромышленности, ибо «частные промзаведения ютятся в приспособленных для производства сараях, жилых помещениях и т.п.»³⁰. Так, один из частных механических заводов по сообщению «Саратовских известий» находился на окраине города в большом каменном сарае. Помещение было холодное, работала одна печь. На просьбу рабочих увеличить отопление, хозяин заявил: «Нужно быстрее работать, тогда и согреетесь»³¹. «Предприимчивый Дудочкин в погоне за наживой брал ребят с улицы, заставлял работать по 10–12 часов в день, за что платил им жалованье от 8 до 10 руб. в месяц. Условия труда были крайне тяжелые. Помещение мастерской содержалось антисанитарно. Ребята работали все время в дыму, под дырявой крышей, отчего в мастерской была сырость»³².

Механическая мастерская Давыдова в Астрахани «представляла из себя какую-то трущобу... имеются несколько станков, у которых движущиеся части угрожают рабочим быть изуродованными, так как они ничем не защищены. ...Сам хозяин и сын находятся все время в мастерской, где рабочим нельзя побеседовать между собой. Так строг глаз хозяина Давыдова»³³.

Некоторые из предпринимателей поверили в прочность и стабильность нэпа, отсюда настроения социального реванша. «Я здесь хозяин, – говорил такой предприниматель рабочим, – это вам не 1917 год»³⁴.

Характерно, что, несмотря на своё неприязненное отношение к частнику, местные хозяйки отдавали предпочтение именно ему, не считая кооперацию «серьёзным союзником». Самарская арендная комиссия полагала, например, что кооперация, несмотря на оказываемое ей преимущество, «не может являться серьёзным претендентом на получение предприятий в аренду»³⁵. В то же время, по отчёту Самарского бюро по аренде, переговоры с бывшими собственниками свидетельствовали о «серьёзном их отношении к договору». Норма производительности, срок пуска предприятия в ход, размер долевого отчисления, – говорится в отчёте, – всё это подвергается ими детальному обсуждению. Они спорят, торгуются, стараются заверить, что подписанный договор обязателен, и что они хотят обещать только то, что могут выполнить»³⁶. Были, конечно, и авантюристы, быстро соглашавшиеся на все условия. Ввиду этого президиумы ГСНХ с апреля 1923 г. несли личную ответственность за заключение так называемых «спекулятивных договоров», результатом которых могло быть расхищение госимущества³⁷.

При проверке инспекцией труда промышленных предприятий частные предприниматели гораздо чаще привлекались к судебной ответственности, чем руководители государственных предприятий. За вторую четверть 1926 г. по РСФСР из всех обследованных предприятий было привлечено к судебной ответственности:

Из государственных предприятий	1,2 %
Кооперативных	3,7 %
Частных	7,6 %

Зачастую выводы подобных комиссий были необъективны. Ю. Ларин, которого нельзя заподозрить в симпатиях к частному капиталу, так комментирует эти цифры: «Отчасти эта разница объясняется более снисходительным отношением инспекторов к государству и кооперации: их не направляют сразу в суд, а дают сроки для исправления, иногда не раз и не два увещевают, вообще миндальничают вместо того, чтобы действовать»³⁸.

По отношению к частным владельцам никакого «либерализма» не допускалось. Судебные процессы над нэпманами носили часто характер показательных кампаний. В декабре 1921 г. в Москве прошел один из первых подобных показательных процессов. Обвинителем на нем выступил Карл Радек, который сказал: «На скамье подсудимых сидят мелкие хищники – владельцы кафе, чайных и сапожных мастерских, гастрономических и иных магазинов, словом, те, «предприниматели», которые, не принося никакой пользы трудящимся, обслуживая жирных, себе подобных господ, по-своему поняли новую экономическую политику»³⁹.

В газете «Правда» за 30 ноября 1921 г. было опубликовано циркулярное письмо ЦК РКП(б) «О парторботе на частных предприятиях» за подписью секретаря ЦК Молотова В.М. и заворготделом Л.М. Кагановича, в котором говорилось: «В случае более яркой эксплуатации или конфликтов, возникающих из-за несоблюдения законов о труде, необходимо путем агитационной кампании (пресса, специальные сессии народного суда и т.п.) содействовать профсоюзу в привлечении к суду частных предпринимателей»⁴⁰. В это же время усиливается «антиэксплуататорская кампания» в печати. Центральные и местные газеты полны заметок вроде «Не хозяин – изверг», «Хозяйчики растерялись», «Суд над эксплуататорами» и т.д., в которых рисовался образ жадного «кровопийцы», «нэпмана-эксплуататора». Видные партийцы в своих выступлениях усилили враждебный тон в отношении частного капитала, называя его «врагом». Н.И. Бухарин на V съезде РКСМ говорил о стремлении обоих хозяйственных укладов не к сотрудничеству, а к тому, чтобы «раздавить», «съесть» друг друга⁴¹. Бывший чекист, председатель Солесиндиката Лацис, отмечая, что «нэп воскресил надежду бывших собственников вернуть прошлое», требовал «показать зубы, т.к. иначе съедят»⁴².

На местах эти сигналы из Москвы восприняли как руководство к действию. Уже 12 января 1922 г. орган Астраханского Губкома РКП(б) газета «Коммунист» откликнулась большой передовой статьей «Возьмем пример с Москвы», в которой говорилось: «Московский процесс заслуживает большого внимания со стороны астраханских рабочих и особенно профработников. Нам также нужно по примеру Москвы произвести тщательное обследование всех частных предприятий Астрахани и, если окажутся «дефекты», а они есть, строго наказать виновных. Ну-ка, инспектора и инспектрисы Труда, за дело!»⁴³

За подобными статьями последовали дела. 22 августа газета «Коммунист» дала подробный отчет об одном из серии «процессов над эксплуататорами», проходивших в Астрахани летом-осенью 1922 г. Судили нэпмана Харченко. Это бывший красноармеец, ставший владельцем столовой «Моряк». Ему был предъявлен целый ряд обвинений (чрезмерная эксплуатация служащих, найм на работу в обход биржи труда, эксплуатация труда несовершеннолетних). Однако в ходе процесса выяснилось, что работницы столовой получали жалование выше, чем работники государственных предприятий (8 000 000 в сов. знаках 1922 г., а рабочие госпредприятий – 5 000 000) плюс два раза в день они ели в столовой бесплатно (что было немаловажно в голодный 1922 г.) и помимо всего этого получали до 3 000 000 рублей чаевых в день от посетителей. Защитник Осипов обратил внимание суда, что внешний вид работниц столовой, их упитанность, приличная одежда не говорят за то, что Харченко эксплуатировал их «самым бессовестным образом», как это утверждал обвинитель. Да и сами потерпевшие таковыми себя не считали и просили снисхождения для своего «эксплуататора». Тем не менее суд приговорил Харченко к 3 годам лишения свободы и

лишению имущества, а комментарий газеты «Коммунист» к этому судебному процессу вышел под заголовком «Ужасная эксплуатация». В нём, в частности, отмечалось: «На процессе раскрывается яркая картина бессовестной эксплуатации женского труда, умышленное и систематическое игнорирование профсоюза, биржи труда и всех обязательных постановлений центральной и местных властей»⁴⁴. Однако автор этого комментария не задумывался, какая судьба ждёт «освобождённых от эксплуатации» женщин. Большинство астраханских предприятий в 1922 г. не работали. В городе свирепствовала безработица, и найти работу, особенно женщине, было проблематично. Борцам с нэпманами было невдомёк, что такие, как Харченко, своей предпринимательской деятельностью создавали рабочие места, смягчая остроту сложной социально-экономической проблемы – безработицы.

Отдельный комментарий «Коммуниста» был посвящён адвокату Харченко. Он вышел под заголовком: «Пролетарская правда и адвокатское козлоумие». «Чтобы выгородить своего провинившегося клиента, – говорилось в нём, – защитник пускается на всевозможные увертки, впрочем, достаточно избитые и истасканные. Дискредитировать свидетельские показания – излюбленный прием царской адвокатуры, в пролетарском суде, ясно формулирующим свои обвинения, не даёт никаких результатов. Отыграться невежеством, незнанием существовавших союзов, биржи труда вызывают снисходительные улыбки даже у пролетарского элемента...

Нам кажется, что при конструировании адвокатуры Губюст должен особое внимание обратить на революционный стаж защитников. Даже плохонький революционный стаж лучше, чем блестящие дипломы царского университета»⁴⁵.

Подобные настроения были очень распространены в 1920-е гг. Многие искренне считали, что «революционная целесообразность» должна заменить в судопроизводстве законность. Суд присяжных, адвокатура – это пережитки старого мира. К чему это привело, теперь хорошо известно. От беззакония страдали не только «эксплуататорские элементы», но и рабочие и крестьяне. На XIX Саратовской губпартконференции (февраль 1927 г.) один из выступавших говорил: «Возникло уголовное дело № 315 от 11 февраля 1927 г. По этому делу был арестован крестьянин. Потом дело это где-то затерялось, а арестованный сидел в это время в исправтрудоме. Он писал, просил, объявлял голодовку и вот, наконец, 22 июля 1927 года, то есть через 6 месяцев, по постановлению помощника прокурора, он был освобожден. А где находится дело, это до сих пор неизвестно»⁴⁶.

Показательные процессы над нэпманами продолжались в Астрахани осенью 1922 г. Подобные мероприятия проходили в этот период и в других поволжских городах. «Много «хозяйчиков» посажено на скамью подсудимых за нарушение кодекса законов о труде»⁴⁷ – сообщалось в информационном отчете Саратовского Губкома РКП(б) за январь 1923 г. Подобные показательные процессы повторялись периодически в годы нэпа.

Лишённый условий для нормального развития частный капитал в нэповской России развивался по уродливому, зачастую криминальному пути развития. В ряде случаев происходило преступное сращивание капиталистов и «нечистых на руку» чиновников. В условиях хозяйственной неразберихи первых лет нэпа волна взяточничества, коррупции, расхищения государственного имущества захлестнула государственный аппарат. Так, в 1924 г. была осуждена группа чиновников, виновных в финансовых злоупотреблениях в пользу частных, в таких организациях, как «Бумтрест», «Губторг» и др. В 1925 г. состоялся процесс над группой работников кооперации Бугурусланского уезда, перепродававших сахар, полученный по государственной цене, частным торговцам.

В 1923–1925 гг. ряд подобных процессов состоялся в Пензе и других городах губернии. Отчёты о них публиковались в печати. Пензенский губком РКП(б) и губпрокуратура в августе 1925 г. провели совещание по борьбе с преступностью, на котором основное внимание было уделено хозяйственным преступлениям. За июль-август 1925 г. было возбуждено 421 дело против коррумпированных государственных служащих⁴⁸. Вопрос о судебных процессах по делам о коррупции в государственном аппарате с «учётом настроений рабочих» обсуждался в декабре 1924 г.

Особую опасность представляла коррупция, разъедавшая государственный аппарат и дискредитирующая его в глазах населения.

Частным предпринимателям профсоюзы ставили более жесткие условия по сравнению с государственными и кооперативными предприятиями и по зарплате, и по условиям труда. Партийными и профсоюзными органами предпринималось много усилий, чтобы даже на самых маленьких частных предприятиях создана была своя профсоюзная организация, велась партийная работа⁵⁰.

С этой целью был создан союз советских служащих, в который были приписаны все рабочие частных предприятий; был разработан типовой коллективный договор, по которому предприниматель должен был платить рабочему зарплату гораздо выше государственного минимума⁵¹. Между частными предпринимателями и профсоюзными партийными комитетами велась постоянная борьба за улучшение положения рабочих. «Долго вертелся хозяин частной мастерской Бармаев с заключением тарифного соглашения..., но союз текстильщиков все же настоял на своем. На днях с ним заключено тарифное соглашение на 2-месячный срок... Выплата жалования – два раза в месяц... При мастерских должен быть умывальник, полотенца, в достаточном количестве мыло. Спецодежда выделяется согласно инструкции ЦК текстильщиков. Что хорошо, так это обеспеченность рабочих на случай увольнения без предупреждения, когда предприниматель обязан выплатить рабочему за два месяца вперед»⁵².

Таким образом, там, где частный капитал получал возможность работать легально, в рамках закона, создавались хорошие условия для труда, и рабочих отличала высокая производительность. Можно констатировать и другой принципиальный момент – профсоюзы и партийные организации теряли свою принципиальность на государственных предприятиях и смотрели «сквозь пальцы» на творящиеся там безобразия. Никаких равных условий для конкуренции частного и государственного укладов экономики в 1920-е годы не существовало.

Парторганизации на частных предприятиях были очень малочисленны. Чаще всего члены партии, работавшие на них, входили в состав партячеек других предприятий. Так было, например, в пищевой промышленности Саратова⁵³.

Естественно, что между членами ВКП(б) и частными предпринимателями редко складывались нормальные отношения. В материалах губернских контрольных комиссий можно найти немало данных о попытках частных хозяев подчинить себе членов партии, «имеющих низкий политический уровень», о «разлагающей обстановке» частного предприятия или «лавочки».

На жигулёвском пивоваренном заводе горкомом Самары была специально подобрана «боевая партячейка», которая пыталась организовать показательную «классовую борьбу» с хозяином. Однако большинство рабочих были довольны своим положением и не поддавались пропаганде. Самарский губком ВКП(б), обсуждая положение на данном предприятии, охарактеризовал работу ячейки и фабзавкома «как борьбу с арендатором за влияние над рабочими»⁵⁴.

Ужесточение политического климата привело к мерам социально-экономического характера, остудившим «людей с деньгами» от арендной «горячки». Как это показано выше, под давлением государства и профсоюзов, зарплата рабочих становится одной из главных статей расходов арендатора. Эти расходы ещё более увеличились с введением социального страхования, промыслового налога, уравнительного сбора, разного рода отчислений, оплаты патентов и т.д. В результате, несмотря на рост аренды по данным ВСНХ, на 1 октября 1921 г. было сдано 600 предприятий, на 1 ноября 1922 г. – 4000, и на 1 октября 1923 г. – 5241⁵⁵, налицо заметное снижение её роста.

Деятельности частного капитала в промышленности препятствовал ряд законов, принятых в годы нэпа. Например, разрешалось существование в обычном порядке частных предприятий только с числом не более 20 наемных рабочих. Налоговое законодательство было несовершенно. Обложение налогом было менее тяжелым для спекулянта, перепродающего скудные у ремесленников изделия, чем для предпринимателей, вкладывающего свой капитал в производство и торгующего изделиями своей фабрики.

Доля налогов в обороте частной торговли составляла 8,1 %, а в обороте государственных и кооперативных предприятий – 1,6–1,9 %⁵⁶. Кроме того, предприниматели должны были вносить повышенную арендную и квартирную плату, плату за обучение детей и т.д. В 1924–1925 гг. эти платежи составляли в общем 170,1 млн. рублей. Посредством налогового обложения изымалось до 90 % легальных доходов частных предпринимателей⁵⁷.

Подобная налоговая политика способствовала быстрому росту «теневого» сектора экономики. С целью обхода непосильного налогообложения капиталисты либо создавали лжеартели, либо организовывали производство того или иного товара не на предприятиях, а в распыленном виде (работающие у себя на дому кустари).

В ряде отраслей промышленности, например, в рыбной, капиталисты организовывали вокруг себя (или подставного лица) безработных путем предоставления им своих орудий, промыслов, предприятий⁵⁸. При этом члены артели не только не участвовали в ведении ее дел (прием работы, условия выполнения заказа), но также не участвовали в установлении расценок и прочих условий работы⁵⁹.

В других отраслях промышленности, например, в кожевенной, предприниматели раздавали работу на дом отдельным рабочим. Газета «Коммунист» следующим образом описывает механизм работы такого вида предпринимательства: «Кто не знает того, что нэпманы публика изворотливая. Они выкидывают новый фортель: всех рабочих и служащих своего предприятия, разумеется, с их «согласия» они делают «хозяевами», беря на всех хозяйские патенты⁶⁰.

Все рабочие и служащие такого предприятия механически исключались из союза как «хозяева». Действительным же хозяевам это чрезвычайно выгодно, так как, взяв хозяйские патенты и права на всех рабочих и служащих, они, кроме небольшого расхода, ничего не потеряли, зато выгадывали многое, теперь «хозяин» был свободен от многих «нападок» со стороны союза, вчерашние рабочие и служащие, сегодняшние хозяева освобождаются от взносов социального страхования и, главное, теперь есть возможность отступить от выполнения 8-часового рабочего дня⁶¹.

Частным предпринимателям удавалось достаточно успешно обходить запреты и избегать контроля со стороны фискальных органов. Этому также способствовала высокая мобильность частного капитала. Нэпманы легко меняли вид занятий под воздействием хозяйственной конъюнктуры. Жизненные пути торговцев и промышленников 1920-х годов были очень извилисты: оставаясь в рамках частного сектора, многие из них умудрялись за 5-6 лет сменить по десятку занятий⁶².

Опыт 1920-х годов свидетельствует, что если чрезмерно ограничивать частный капитал, как это делали тогда, то он все равно будет находить способы обходить эти запреты, но страдать при этом будут, прежде всего, трудящиеся.

В годы нэпа не были созданы нормальные условия для развития частного капитала в промышленности. Для того чтобы вложенный в промышленное производство капитал стал приносить прибыль, нужен был достаточно длительный срок, вкладчик также должен был чувствовать стабильность своего положения. Законодательство должно было не препятствовать вложению частного капитала, а способствовать этому процессу. Но этого и не было в годы нэпа. Как было отмечено в резолюции пленума Саратовского губкома ВКП(б) «о частном капитале в промышленности» (2-5 марта 1927 г.), «он избегал крупных затрат на основное оборудование предприятий, концентрируясь в мелкой промышленности»⁶³. По мнению участников пленума, «частный промышленник смыкался с частным торговым капиталом, который снабжал его сырьём, обеспечивал сбыт. Таким образом, возникала цепочка производство – торговля, контролируемая полностью частным капиталом»⁶⁴. Пленум разработал основные меры регулирования деятельности частного капитала в промышленности и торговле. Предполагалось полностью кооперировать кустарные промыслы, полностью вытеснив оттуда частных скупщиков. Государственным и кооперативным организациям было рекомендовано прекратить переработку сырья на частных предприятиях. Запрещалось также брать на реализацию.

Уже в середине 1920-х годов запретительные меры по отношению к частному капиталу привели к ненормальным диспропорциям в развитии этого сектора эконо-

мики. Уличные торговцы-разносчики, владельцы маленьких магазинчиков и киосков имели доход намного выше, чем предприниматели, занимающиеся производством. За 1924–1925 гг. прибыль капиталистов-торговцев увеличилась на 20 %, прибыль частных владельцев ценовых предприятий уменьшилась на 5 %⁶⁵.

Нэпманам со страниц газет, в выступлениях партийных руководителей всех уровней постоянно напоминали, что их деятельность временна, и как только государственная промышленность с помощью тех же нэпманов окрепнет, то от их услуг откажутся. «Пусть же буржуазия знает, – писали в 1922 г. «Саратовские известия», – что только крайняя разруха и ненадежность производства и торговли заставляет советскую власть мириться до поры до времени с частными промышленниками, торговцами и нэпманами-шкуродерами!»⁶⁶

Крупные предприниматели 1920-х гг. находились под пристальным вниманием экономического отдела ГПУ. Так, известный разведчик Павел Судоплатов в своих мемуарах «Разведка и Кремль» вспоминает: «Из числа своих осведомителей Орлову⁶⁷ удалось создать группу неофициальной аудиторской проверки, которая выявила истинные доходы нэпманов. Этой негласной ревизионной службой Орлова руководил лично Слуцкий, в то время начальник экономического отдела...»⁶⁸

Юрий Ларин (по выражению Б. Бруцкуса – самый злобный гонитель частного капитала, «воистину цепной пес советского социализма») в своем «исследовании» «Частный капитал в СССР» приблизительно в таких же выражениях высказывает свое отношение к частному капиталу: «Классовое недоверие буржуазии режиму диктатуры пролетариата вполне понятно. Капиталисты знают, что мы проводили нэп не для их прекрасных глаз, а потому, что нам это нужно. Причем вопросы во всех подробностях (пускать частника на хлебозаготовки в этом году или не пускать и т.д.) – мы решаем сами, односторонне, без всяких переговоров и соглашений с частными капиталистами»⁶⁹.

«...Надежды нэпманов, торговцев-спекулянтов и всякой нетрудовой братии, – писали «Саратовские известия» в передовой статье «Органы власти и самоуправление» 11 октября 1922 г., – на участие в советах, малейшее участие, могут быть похоронены по первому разряду.

Наоборот, призраком временно возрождающейся буржуазии еще более сплачивает тружеников города и деревни вокруг советов под знаменем своего испытанного вождя – партии коммунистов»⁷⁰.

«Внутри страны частная промышленность слабей только потому, – писал Е. Преображенский, – что она находится не в равных условиях для борьбы»⁷¹. Об этом же с «другого берега» писал выдворенный из СССР в 1922 г. экономист Б. Бруцкус: «Советский социализм» не завоевывал себе своих экономических позиций, подобно капитализму, на попрание свободной конкуренции. «Социалистические» организации или прямо получали абсолютную монополию в определенных сферах экономической жизни, или получали большие привилегии, между тем как конкурирующее частное хозяйство отягчалось непомерными налогами, и ему создавались иные трудности. Если же и в таких условиях «социалистическая» организация все-таки не умела справиться с частным конкурентом, то последний просто устранялся в административном порядке. Только такими мерами ленинский вопрос: «Кто кого?» был решен в пользу «социализма»⁷².

Изучение экономического развития Поволжья показывает, что, несмотря на свои незначительные размеры, всевозможные ограничения и зажимы, частный промышленный капитал обладал высокой эффективностью производства, мощным созидательным потенциалом. Работая на рыночного потребителя, он дополнял своей продукцией небогатый ассортимент госпромышленности. С нашей точки зрения, пока в стране существовал товарный голод, частная индустрия выполняла общественно-полезные функции, способствуя развитию производительных сил страны и укреплению «смычки». Источники опровергают сложившийся стереотип о спекулятивной роли частной промышленности. На наш взгляд, в стране имелись все возможности для взаимодействия двух индустриальных секторов на обширном внутреннем рынке, однако их разделял политический императив «кто-кого?», приближавший развязку с

каждым годом нэпа. Именно далёкие от экономической целесообразности политические цели лежали в основе ликвидации частного капитала в СССР в конце 1920-х гг. Задача «социалистической» индустриализации госпромышленности на фоне обострившейся международной обстановки требовала антирыночной ликвидации всех ее «инородных» соперников в народном хозяйстве. Результатом явилось обострение товарного голода, очередные кризисы «смычки», введение карточной системы на товары и неизлечимые бюрократические болезни монополистического госсектора, освобождённого от малейших признаков конкуренции.

¹ *Ларин Ю.* Итоги, пути, выводы новой экономической политики. М., 1923. С. 112.

² См.: СУ. 1921. № 367.

³ См.: НЭП: Приобретения и потери.

⁴ См.: Одиннадцатый съезд РКП(б): Стенографический отчёт. С. 225-226.

⁵ См.: Там же. С. 226.; Промышленность и торговля. С. 54-55.

⁶ Промышленность и торговля. С. 57.

⁷ *Ряузов Н.* Вытеснение частного посредника из товарооборота. М., 1930. С. 18.

⁸ Правда. 1921. 8, 18 июля.

⁹ *Преображенский Е.* Новые задачи нашей партии // Правда. 1921. 18 июля.

¹⁰ *Милютин В.* Итоги и перспективы новой экономической политики // Экономическая жизнь. 1922. 18 марта.

¹¹ Коммунист. 1924. 1 июля.

¹² ЦДНИ СО. Ф. 27. Оп. 2. Д. 801. Л. 115.

¹³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 68. Д. 376. Л. 24.

¹⁴ Борьба. 1921. 15 октября; Хозяйство на новых путях. 1927. № 10. С. 70.

¹⁵ Саратовские известия. 1921. 12 октября; Там же. 21 сентября.

¹⁶ Там же. 19 октября.

¹⁷ Там же. 15 октября.

¹⁸ См.: *Ларин Ю.* Частный капитал в СССР. М., 1927. С. 471-472.

¹⁹ Коммунист. 1922. 9 декабря.

²⁰ Саратовские известия. 1923. 15 ноября.

²¹ *Дьяконов А.* Декрет об аренде и юстиции // Экономическая жизнь. 1921. 30 июля.

²² На южном форпосте России. Волгоград, 2000. С. 52.

²³ ЦДНИ АО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1727. Л. 29.

²⁴ См.: *Ларин Ю.* Частный капитал в СССР. М., 1927. С. 86.

²⁵ РГАЭ. Ф. 3429. Оп. 1. Д. 2272. Л. 48.

²⁶ См.: Частный капитал. Сборник ВСНХ. М., 1927. С. 212.

²⁷ ЦХСД АО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 176. Л. 59-60.

²⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 15. Д. 41. Л. 1; Сб.: Частный капитал в СССР. М., 1927. С. 146.

²⁹ ЦХСД АО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 172. Л. 100.

³⁰ См.: Частный капитал. Сборник ВСНХ. М., 1927. С. 213.

³¹ Саратовские известия. 1923. 24 февраля.

³² Там же. 1926. 7 января.

³³ Коммунист. 1924. 15 марта.

³⁴ Правда. 1922. 23 мая.

³⁵ Коммуна. 1922. 9 декабря.

³⁶ ГАСО. Ф. Р-85. Оп. 1. Д. 34. Л. 28.

³⁷ РГАЭ. Ф. 3429. Оп. 1. Д. 2729. Л. 75.

³⁸ *Ларин Ю.* Частный капитал в СССР. М.; Л., 1927. С. 148, 149.

³⁹ Коммунист. 1922. 12 января.

⁴⁰ Правда. 1921. 30 ноября.

⁴¹ Правда. 1921. 14 октября.

⁴² Там же. 1922. 30 сентября.

⁴³ Коммунист. 1922. 12 января.

⁴⁴ Коммунист. 1922. 22 августа.

⁴⁵ Коммунист. 1922. 22 августа.

⁴⁶ ЦДНИ СО Ф. 27 Оп. 4. Д. 442. Л. 19.

⁴⁷ ЦДНИ СО. Ф. 27. Оп. 3. Д. 23. Л. 36.

⁴⁸ ОФОПО ГАПО. Ф. 1. Оп. 1 Д. 448. Л. 39.

⁴⁹ ЦДНИ СО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1727. Л. 29.

⁵⁰ ЦДНИ СО. Ф. 27. Оп. 2. Д. 801. Л. 108; Там же: Д. 824. Л. 62.; ЦХСД АО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 172. Л. 124.

⁵¹ Коммунист. 1923. 3 ноября.

- ⁵² Саратовские известия. 1923. 3 ноября.
- ⁵³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 68. Д. 376. Л. 25.
- ⁵⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 68. Л. 376. Л. 25.
- ⁵⁵ РГАЭ. Ф. 3429. Оп. 3. Д. 6. Л. 63.
- ⁵⁶ **Жирмунский М.М.** Частный торговый капитал в народном хозяйстве СССР. 1927. С. 164.
- ⁵⁷ Там же.
- ⁵⁸ ЦХСД АО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 176. Л. 37; Коммунист. 1925. 1 июля.
- ⁵⁹ См.: Частный капитал. Сборник ВСНХ. М. 1927. С. 150.
- ⁶⁰ Коммунист. 1923. 12 января.
- ⁶¹ См.: **Свищев М.А.** Опыт нэпа и развитие мелкого производства на современном этапе // История СССР. 1989. № 1. С. 13.
- ⁶² См.: **Ларин Ю.** Частный капитал в СССР. М.-Л. 1927. С. 236.
- ⁶³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 3752. Л. 8.
- ⁶⁴ Там же.
- ⁶⁵ См.: **Свищев М.А.** Опыт нэпа и развитие мелкого производства на современном этапе // История СССР. 1989. № 1. С. 13.
- ⁶⁶ Саратовские известия. 1922. 17 октября.
- ⁶⁷ Александр Орлов (настоящая фамилия – Фельдбин) – в 1920-е гг. зам. начальника экономического отдела ГПУ. Впоследствии, в 1938 г., бежал в США.
- ⁶⁸ **Судоплатов П.** Разведка и Кремль. М., 1996. С. 53.
- ⁶⁹ См.: **Ларин Ю.** Частный капитал в СССР. М.-Л., С. 237.
- ⁷⁰ Саратовские Известия. 1922. 11 октября.
- ⁷¹ **Преображенский Е.** Основной закон социалистического накопления // Сб.: Пути развития. Дискуссии 1920-х гг. Л., 1990. С. 109.
- ⁷² **Бруцкус Б.** Народное хозяйство Советской России, его природа и судьбы // Вопросы экономики. № 10. С. 142.

ПОСТАВКИ ПО ЛЕНД-ЛИЗУ В СОВЕТСКИЙ СОЮЗ ЧЕРЕЗ ТЕРРИТОРИЮ ИРАНА. 1941–1945 гг.

**Г.В. Шинкаренко
(Астрахань, Россия)**

Военные поставки в СССР из США и Великобритании осуществлялись в 1941–1945 гг. по нескольким направлениям. С августа 1941 г. они поступали в североморские порты Советского Союза – Мурманск, Архангельск, Молотовск (Североморск). Грузы из США принимали дальневосточные порты. Воздушная трасса «Алсиб» пролегла через Аляску и Сибирь. Северный путь доставки имел один существенный недостаток – уязвимость от ударов немецких подводных лодок и авиации. Значительные потери грузов и торгового тоннажа в августе 1941 г. заставили У. Черчилля наложить запрет на использование северного морского пути. Поставки столь нужного Советскому Союзу вооружения и материалов задерживались на полгода, до наступления полярной ночи.

Тихоокеанский маршрут поставок при своей относительной безопасности был значительно удален от фронта, что создавало дополнительные трудности с транспортировкой. Альтернативой северному морскому пути и тихоокеанскому маршруту был избран путь к берегам Персидского залива и далее к советской границе.

Открытие «Персидского коридора» было подготовлено совместными военно-политическими акциями Советского Союза и Великобритании. Летом 1941 г. обстановка в Иране складывалась не в пользу союзников. В стране активно действовала немецкая агентурная сеть. По сведениям советской разведки, вероятность государственного переворота, инсценированного немцами, была очень велика.

8 июля 1941 г. И.В. Сталин в беседе с послом Великобритании в СССР Криппсом заявил о необходимости выработки единой дипломатической линии союзников в отношении Ирана, Ирака и Афганистана с целью устранения угрозы проникновения Германии в страны Среднего Востока¹. Советская сторона неоднократно обращала внимание Иранского правительства на опасность, которую представляла для СССР и самого Ирана деятельность внутри страны агентов немецкой разведки.